

Упай, бояться!

ОПЕРАЦИЯ "ГОРОДСКОЙ В ДЕРЕВНЕ"

Елена Рай

Елена Рай

Операция "Городской в деревне". Упал, бояться!

<https://litres.ru/74289917>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приехала в деревню, чтобы вырваться из душного офиса: свежий воздух, парное молоко и отсутствие бюстгальтера. Моё счастье длилось недолго – городской снял у моей бабули свободную комнату, чтобы наоборот поработать.

И вот однажды ко мне в комнату ворвался мой сосед, что живёт через стенку, в ярости запрыгнул ко мне в постель и нарочито медленно, с угрозой в голосе, прорычал мне на ухо:

— Люба-а-аша, а зачем ты мне под подушку деревянный крест засунула?

— Как зачем? — искренне удивилась. — От греха подальше! А то девки скоро в окно полезут при твоей-то харизме.

— В смысле?

Услышав бабушкины шаги за дверью, я строго пригрозила ему:

— Упал под кровать, городской, и молись, чтобы она тебя здесь не нашла.

— Почему я? — пробормотал недовольно он, сползая с постели.

— Моя бабушка строгих правил, — прицелилась пальцами ниже пояса, — крест возьми, вдруг пригодится в качестве рикошета.

— А если

Не дала ему договорить — решила действовать на опережение:

— Женишься!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Операция "Городской в деревне". Упал, бояться!

Глава 1

Все герои вымышлены.

Любые совпадения случайны.

«Любаша»

Вырвалась на недельку к бабушке: деревенским воздухом подышать, молока парного испить, походить без стесняющих женские груди эластичных удавок, — как мой начальник с цепи сорвался и уволил главного бухгалтера. Требуется невозможного, слюной брызжет, требует отчётов, когда интернет, в прямом смысле этого слова, надо ловить в определенные часы, держа телефон под определённым градусом, при этом разговаривая с ним, как с маленьким ребёнком.

Девки на работе молчат, как партизаны на допросе, — чем только пригрозил Тухманов им? Остаётся для меня загадкой. Неужели, набедокурили всем коллективом, а крайней сделали главную? Эти кобры ядовитые могут, знаю их, как роднёных, хоть и мамки и папки у всех разные.

Тяжёлой поступью в мою комнату вошла бабушка, — недовольно зыркнула на открытый ноутбук, поджала губы в тонкую белёсую ниточку, но при этом ничего не отчебучила

в своём репертуаре. Значит, что-то задумала, и это уж точно мне не понравится.

— С утра пораньше свой компьютер включила, — всё-таки проворчала она, грузно присев на деревянный стул, предусмотрительно подложив между сиденьем и собой мягкий отрезок обшитого тканью поролона.

— Наконец-то, — улыбнулась, — а то думала, что мою горячо любимую бабушку подменили.

— На кого? — не поняла она.

— Бабуль, да просто есть такое выражение, — взяла её за морщинистую руку и мягко сжала в своей. — Как себя чувствуешь? Нормально спала?

Бабуля от меня отмахнулась, потому что считает свои болячки делом привычным, чем отвлекающим фактором.

— Тут такое дело, — отвела взгляд, словно провинившаяся девица, — городскому из столицы комнату сдала. Председатель упрасивал так, что у людей глаза на лоб повылезали. В ногах ползал, умоляя, разместить у нас с комфортом.

Хотелось бы многое сказать, — например, как тот же самый председатель от зависти чуть ли не лопнул, когда увидел постройку на месте одноэтажного старого барака.

В прошлом году завершилось строительство нового дома с городскими удобствами, — раз бабушка не хочет переезжать к родителям на старости лет, то город «приехал» сюда. Добавила из своих сбережений — и ни разу ещё не пожалела о своём вложении.

— Это как-то связано с постройкой агротуристического комплекса, — не спрашивала, утверждала, — видимо, председатель готов из штанов выпрыгнуть, чтобы угодить столичному толстосуму. Сам при этом остался в жирном плюсе, не сомневайся!

— Ты бы на него не серчала, — примирительным тоном продолжила, при этом надавливая на болезненную точку: — молокозавод грозятся закрыть, работы не будет, молодёжь подастся в город. Одни старухи только останутся в деревне, смерть свою ждать.

Закатываю глаза, — мне пока не понять прикола с призыванием собеседницы с косой, когда деревню покинет последний житель, способный к продолжению своего рода.

— Раз обещала председателю, — посмотрела на экран ноутбука с грустью и тоской. Работы столько, что из комнаты в ближайшие два дня вряд-ли выйду. — Ба, ты плату вперёд взяла, или обещаниями осталась сыта?

— Ну что ж ты, — запыхтела как самовар, накалённый докрасна. И чуть слышно добавила: — деньги вперёд, как в столичных туалетах. А там если обделался на месте, уже деньги то уплачены! — расхохоталась над собственной шуткой.

Поддержала позитивный заряд бабушки широкой улыбкой.

— Задай курам, девонька, — поднялась она со стула, опираясь на его спинку. — День сегодня нервным обещает быть,

— такой человек приезжает.

— Почему приезжает он, а нервничать должны мы?

Спросила, попутно печатая сообщение начальнику, что не смогу сегодня доделать отчёт без интернета. По прогнозу к нам идёт гроза, — стабильного интернета до завтрашнего утра не будет.

— Полно тебе будет ворчать, — с какой-то затаённой грустью посмотрела на меня. — Замуж выскочишь, детки пойдут. Совсем не до старухи будет.

Спорить с ней бесполезно, когда бабушка завела свою любимую песню о своём скором одиночестве.

Закрыла ноутбук, поставила его и телефон на зарядку и отправилась задавать животным.

Не понимаю, как можно не любить всё, что даёт нам физический труд на свежем воздухе? Вот и богачи с толстыми кошельками со мной солидарны, — будут сюда приезжать, чтобы лично убедить в том, что молоко даёт корова, а не сразу в бутилированном виде с кучей наклеек «ЭКО» (скорее всего, их детки-мажоры, оторванные от мира сего).

Время побежала, как сквозь пальцы песок: приготовила соседнюю спальню гостю, чистые полотенца. Памятку о том, как пользоваться туалетом на улице в случае отключения электричества не стала (всё очень просто).

Сварили картофель в мундире, начистили селёдки, огурчики с огорода, зелень, соленья с прошлого года, бабушкина фирменная настойка на рябине, — красота, что аж слюнки

текут.

К назначенному времени все местные окружили наш дом, чтобы приветствовать уважаемого гостя. Подружки мои вырядились, будто жениха любимого встречать вышли. Бабушки с гостинцами, словно обожаемых внуков ждут. Деды настороженно вглядываются вдаль, чтобы уж точно не пропустить процессию.

Одна я стою, косяк плечом подпираю, да травку жую.

— Едут! Едут! — пронеслись восторженные шепотки.

Все кинулись встречать городского, а я не шелохнулась.

— Алексей Борисович, дом небогатый, но есть туалет и душевая, — отчитывался председатель рослому мужчине. — Если что-то вас не устроит, то сразу же говорите.

Бабушка на меня строго посмотрела, чтобы я не раздувала из мухи слова, — свои же.

Нрав у меня горячий, мысли прямые, а душа открыта не для того, чтобы туда плевали!

Глава 2

«Городской»

— Лёха, ты же не глупый мужик, чтобы сорваться в такую глушь.

Для убедительности мой друг приложил кулаком по столу, за которым мы уже не первый час распиваем алкоголь в чисто мужской компании. Посуда вздрогнула с противным дребезжанием, закуска подпрыгнула и сместилась в мою сторону.

— Ты же сам слышал, — моя голова обречённо упала на сложенные руки, да и в принципе держать её в привычном положении удавалось уже с трудом.

Тело же просит разрядки (если не физической, то хотя бы моральной), подначивая на знакомство с какой-нибудь фигуристой девицей: в клубе таких немало, понимают, куда пришли, и какие мотивы преследуют здешние холостяки.

Не даёт полностью почувствовать себя свободным противный голос старухи-цыганки. Обиделась за свою внучку, что отшил, предусмотрительно спросив паспорт (не заводят меня юные девочки, которым только-только исполнилось восемнадцать), — вот теперь огребаю по полной, преследуемый сплошными неудачами.

— Я тебя оставил всего лишь на пять минут, пока за машиной гонял, а пришёл, — ты стоишь и слушаешь бред чок-

нутой старухи, разодетая, как расписной самовар и с гириями вместо серёг.

Поднял на него глаза, а вот зрение уже меня подводило: картинка сначала расплылась, но потом недовольная физиономия Макса чётко по центру моего фокуса встала.

— Но многое же сбылось, — растянул придурковато губы в шальной улыбке, — под откос!

Он сложил руки на мощной груди и посмотрел на меня как на потерявшего рассудок мужика.

— Поэтому ты продал здесь бизнес и хочешь вложиться в вымирающую деревню?

— Я продал его, чтобы хоть что-то сохранить!

Максим не из тех, кто просто так отступится от своей гениальной идеи переубедить меня и поставить на путь истинный.

Видимо, у меня есть свой предел — и у этого здоровяка тоже.

— Лады, ты сгоняй в эту деревню, осмотришь и не делай скоропалительных выводов, — недобро прищурился он.

— Такое ощущение, что ты только что меня на хер послал, чтобы уже окончательно отделаться, — усмехнулся я.

— С тобой принцип кнута не работает, — улыбнулся широко. — Отойду в сторонку, чтобы ты обосрался, почувствовал агонию и вернулся к своим заводским установкам.

— На работу к себе возьмёшь? — прикрыл глаза, уплывая разумом туда, где хорошо (под бочок к фигуристой девушке,

которая смотрит на меня с улыбкой и манит пальчиком).

— Курьером сначала, — в голосе друга услышал улыбку, — а потом видно будет.

К слову, я не всё рассказал Максy: цыганка больно ущипнула меня за предплечье и прошипела на ухо змеёй, что моё мужское достоинство воспрянет духом только с той, что полюбит меня, такого эгоистичного нахала. Я рассмеялся, — за что она дунула мне в лицо какой-то белёсый порошок, а потом её от меня оттащил друг.

«>»

Прошёл ровно месяц, как я принял решение вложить деньги в агротуристический комплекс: перспективы впечатляющие, есть желающие вложить спонсорские, — уже не так страшны последствия безрассудного поведения.

Из прежней жизни у меня осталась только машина, собственно, на ней я приехал в деревню «Ерилово», мою отправную точку, — хочется верить, что именно здесь у меня может сложиться вполне реальная жизнь в деревенском антураже.

Все стремятся в Москву, а я из неё покатылся колом, чтобы сохранить не только деньги, но и собственное имя, которое я зарабатывал годами, чтобы в последний момент своей беспечной жизни им козырнуть и привлечь к себе внимание.

Шапочное знакомство творит настоящие чудеса, если при этом говорить убедительно с гордо расправленными плечами и поставленным голосом, — не зря же меня водили в те-

атральный кружок: какие-то знания точногодились.

Встречали меня шумно, как полагается среди местных жителей, говорили много комплиментов и смотрели на меня с надеждой, что я смогу решить их финансовые проблемы (самому бы разобраться).

— Алексей Борисович, дом небогатый, но есть туалет и душевая, — отчитывался председатель передо мной, откровенно заглядывая в рот. — Если что-то вас не устроит, то сразу же говорите. Зинаида Петровна — не конфликтная женщина, но с характером. Думаю, что уживётесь, — заключил он, вытирая пот со лба клетчатым платком.

— Благодарю, — произнёс ровно.

Молодых девушек здесь немало, — каждая пытается поймать мой взгляд, выставляя женские прелести в более выигрышных позициях; от пестроты нарядов аж в глазах рябит, приходится улыбаться, раз решился расположить к себе жителей деревни.

Нашу процессию обгоняет высокий светловолосый парень. Пыль поднял такую, что девушки фыркали ему вслед от недовольства.

— Опять к Любке побежал, дурачок, — едко подметила девушка в платье с глубоким декольте.

Мужской инстинкт в глубокой спячке, — а там есть на что посмотреть и, что расположить в немаленькой ладони.

— Свататься будет, — другая девушка зацокала.

— Опять... — хихикнула третья. — От ворот поворот!

Шепотки пошли, кто-то смеялся, кто-то подначивал молодого человека к более активным действиям.

— Люба, я люблю тебя!.. — пробасил парнишка, откровенно меня потешая.

Задумался о той, что должна меня полюбить такого красивого и статного, что пропустил самое весёлое, — девушке, которой только что признавались в любви, окатила ухажёра водой из ведра.

— Здрасти, — обратилась она ко мне, сдувая непослушную прядь волос со лба, — вместе жить будем.

Глава 3

«Любаша»

Есть предположение, что в жизни каждой девушки есть свой «Вовка», которому не повезло быть запасным вариантом на случай, — если той не повезёт в любви.

Девичья наивность и утраченная невинность навсегда у меня будет связана с ним, — я всегда была предельно честна к его чувствам, и не смогла притворяться, если не испытывала наслаждения в постели.

В восемнадцать — об этом стыдно говорить.

В двадцать — пытаешься не обидеть и намекаешь, что не происходит той самой кульминационной судороги.

В двадцать пять я сообщила ему, что наши отношения давно перешли на стадию дружеских, поэтому не стоит строить на меня планов и желательно присмотреться к другим девушкам.

В двадцать шесть мне предстояло поставить последнюю точку в этом семилетнем бразильском сериале, — или как говорится в литературных изданиях «эпилогом», который всё уж точно расставит всё по своим местам без бонусных частей.

— Люба, я люблю тебя!.. — Вовка опустился на колени, пытаюсь обнять мои ноги и притянуть к себе.

Понятия не имею, какая муха его укусила, — а-а-а, дога-

далась!

Получается, что он заочно приревновал меня к городскому?! Решил сразу заявить на меня права при всех, чтобы никто не усомнился в его чувствах? Попахивает провокацией!..

Бабушка растерялась: она не понимала, в какую сторону бросаться, — помочь мне, встречать городского или затыкать рты охающим провокаторам.

Отодвинула от себя рослого детину (хоть и на коленях) чуть в сторонку, дотянулась до небольшого пластикового ведра, да остудила влюблённый нрав до предельно допустимой вменяемой температуры, — а то что-то напекло ему в голову.

Отплёвывается, сердится и снова отплёвывается — нечего было рот раскрывать и глупостями бросаться при народе. Пожалуй, я покарала его, как настоящая шальная императрица, не подумав о последствиях своего своенравного поступка.

Подняла глаза на всё ещё присутствующих свидетелей (их теперь до глубокого вечера не разогнать), обвела их по кругу и взглядом прикипела к городскому: хорош собой, высокий, брутальный, глаза, как пули шальные прямо в девичье сердце.

Придётся сразу расставить границы нашего взаимодействия, чтобы не надумал за мной приударить, и получить indulgence на бесплатное проживание со всеми удобствами.
— Здрасти, — сдула прядь со лба, — вместе жить будем.

Надеюсь, что прозвучало угрожающе, а не располагающе в мою постель.

Главное при этом: посмотреть на него снизу не слезящимися глазами (ещё одна детина-переросток) и не так, чтобы вызвать сомнения в моей адекватности.

— Здравствуй, — обнажил при улыбке ряд белоснежных зубов. — Рад... знакомству. Как зовут тебя, красавица?

— Любаша... М-м, Люба, Любовь, — затараторила взволнованно я.

За руку меня дёргает Вовка, недовольно фыркая, тем самым, намекая, что я всё-таки (по его идиотскому убеждению) поплыла из-за приезда городского, — осталось только ноги раздвинуть да принять в своём лоне.

Боковым зрением заметила, как бабушка махнула платком Фёдоровичу, нашему гармонисту.

Тот усмехнулся и браво затынул, — успевай только вовремя останавливать полёт фантазии:

— В руки лопату не возьмёт, белоручка хитрожоп! На другое руки хватки, коль учует где-то бабки!

Ему подпевают местные:

— У-у-ух!

— Нервно прыгает гармонь, ритм пульсирует в «Калинке». Любопытная ладонь шарится в...

Пришлось вмешаться уже мне:

— Деда Коля! — гаркнула я.

— А что такое? — недовольно буркнул дед. — Меж-

ду прочим, я этот репертуар в местном клубе по пятницам отыгрываю, когда городские приезжают! А ну-ка, Любка, не мешай!

Чувствует моё сердце, что сейчас выдаст свою коронную, — подняла ведро, палку и приготовилась.

— Вздыхает девка под гармонь, — раздевайся скорей, не мучай! Надевай скорей...

Присвистнула, привлекая внимание к себе, а потом заколотила по ведру палкой.

— Любка, что ты творишь?! — зашипел Вовка мне на ухо. — Совсем рехнулась Фёдоровича злить?! Он сейчас запьёт от горя, а потом как нам быть? Кому из похмельного синдрома выводить?

— Разберёмся, — передала ему ведро.

Покашляла в кулак, чтобы голос звучал, а не трещал, как сухое полено.

И под уничижительным взглядом председателя произнесла:

— Для нас честь разместить в нашем доме такого важного гостя, — натянуто улыбнулась я. — Мойте руки и к столу.

Если кто-то рассчитывал на то, чтобы присоединиться к нам, — обломались.

Я кормить всю деревню не собиралась, тем более, угощать спиртным — меры не знают.

Вова напрашивался в гости, но я его тактично попросила не устраивать цирковых представлений.

Если хочет попытать удачу и высказать свои предположения, что касаются нашего совместного будущего, то можно встретиться и ещё раз проговорить все болевые точки соприкосновения.

Каждый раз когда я приезжаю в деревню — его хроническая болячка обостряется, мои нервы претерпевают поражения в бесчисленной гибели, а он при этом улыбается как блаженный, которому ипотечный кредит на тридцать лет мерещится путёвкой в рай.

Бабушка вклинивается между городским и председателем, подхватывает их под руки и заводит в дом.

Я же замыкаю процессию и громко хлопаю дверью. Отчего же мне кажется, что я попала в ловушку, из которой хочется сигануть в окно?

Словно замороженная наслаждаюсь бархатным мужским голосом:

— Меня зовут Алексей, — хрипло рассмеялся, — а можно... просто Лёша для своих.

Глава 4

«Любаша»

Заслушаться можно, как красиво поёт Иван Иванович, — какой городской молодец, какая деревня наша перспективная для новых открытий, какие жители работающие и вообще трава на всей планете именно у нас зеленее и душистее.

Подсказать что ли бабушке, чтобы ему больше закусывать предлагала, а не подливала своей настойки? А то моча ему в голову стукнет, расскажет того, что у него в местной администрации под грифом «секретно», — мужики хуже баб, когда язык развязан под действием алкоголя.

«Ерилово» лет пять поставлено на паузу своего развития, как закрыли школу: детям приходится ездить в соседнюю деревню, — да и тех с каждым годом всё меньше, а потом вообще перебираться в города будут.

Городской — последний шанс возродить жизнь в деревне, позволив молодым и перспективным кадрам работать по профессии за достойную зарплату. Цены то у нас московские!

— Молокозавод наш каждый год даёт стабильный прирост, — важно расправляет грудь Иван Иванович, будто в этом есть часть его заслуги. Всё-таки побеждает фирменная бабушкина настойка, застонал в голос от удовольствия: — Ах, какая! Прямо душу греет!

Бабушка не привыкла деликатничать, сразу наотмашь бьёт в лоб, когда чувствуешь фальшь:

— Иван Иванович, всё ты складно и ладно толкуешь, — заулыбалась с хитринкой она. — Приростами хвастаешься, а мы да только хвостики твоих обещаний видим. Люди в кошелёк смотрят чаще, чем ты думаешь, когда детям постоянно что-то надо. Жорик молокозавод на свои строил, животину закупал, налаживал производство, — закроется он, председатель нам не нужен будет. Все разъедутся. А городскому веры нет, пока делом свои слова не докажет.

Я повернула голову в сторону окна, да такая злоба взяла, — Вовка, дурак такой, пионы пытается просунуть в щель.

— Надо цветы полить, — сообщила тихо на ухо бабушке, надеюсь, что она расслышала, — очень срочно.

Городской проследил за мной вопросительным взглядом, пытаюсь раскусить мою нехитрую задумку, — перед тем как распахнуть створку окна, взяла лейку да остудила голову Вовки. Всё-таки напекло ему. Надо бы нашему фельдшеру сообщить, чтобы его осмотрела.

— Любка, ты чего?! — взревел он. — Не любишь пионы?!

Услышала топот ног и «ме-е-е».

— Розы люблю, — вздохнула я. — Но ты беги, милый, беги.

— От кого?

Ритка со своей козой Розочкой точно его по голове не поглядят за воровство пионов. Она для продажи выращивает,

но этот же по-соседски, наверное, решил «одолжить».

— Люди! Что творится! — завопила Рита. — Среди белого дня цветы воруют!

— Рита, привет! — помахала ей цветами.

Девочка всё поняла и командным тоном приказала своей питомице:

— Розочка, фас!

Толкнула Вовку в грудь и закрыла наглухо окно — пусть сам выкручивается.

— Люб, а что это было? — спросил председатель. — Мне показалось, что... — нахмурился.

— Иван Иванович, налегайте на закуску, — отобрала у него бутылку, — а то вам покажется, а нам потом молиться.

Когда председатель приуныл от моего колкого замечания, в разговор вступил Алексей. Рассказывал о своей жизни в городе, чем занимался, где служил.

Женщины, наверное, штабелями у его ног падают, — такая харизма стоит подобных жертв.

Бабушка внимательно его слушала Алексея, подпирая кулаком подбородок, чтобы потом снова неожиданно бахнуть:

— Холостой — это плохо.

Я подавилась соком так, что из глаз слёзы брызнули.

— Почему? — искренне поинтересовался он.

— Девки наш дом, как саранча атакуют. Ты трусы, милоч, держи покрепче.

— Бабушка! — вмешалась я.

— Должна была предупредить. Не все такие, как ты, Любонька, — как мне показалось, с грустью сказала она. Ну да, ну да. Она внуков ждёт, а не очередного моего повышения по карьерной лестнице. — Кстати, внученька у меня скромная, домашняя. Вы бы присмотрелись, Лёшенька, к ней.

Непробиваемая женщина!

Я уже во всей своей красоте показала огненный характер, чтобы раскручивать в обратную сторону мою репутацию, — резьба давно сорвана, с места не сдвинешь.

— Та-а-ак, мне отчёт надо доделать, — воспользовалась стандартной отмазкой, когда хочется послать всех в далёкое направление.

— Вот и я о чём говорю, Алёшенька, дамы городские в отчётах сидят, а деревенские о продолжении рода думают, — это был последний гвоздь в моё ухо.

Заперлась в комнате, включила музыку погромче, чтобы никого не слышать и провалилась в сон, — проснулась от того, что меня за плечо кто-то трясёт.

— Бабушка-а-а, — зевнула я. — Ты чего?

— Хотела извиниться, — опустила взгляд на морщинистые руки. — Языком заплясала вокруг больной темы, да о тебе не подумала, дура старая.

Слёзы не люблю, а она на грани того, чтобы разорвать мне сердце, — обняла её и поцеловала в щёку пока ещё не поздно.

— Городской, надеюсь, испугался, что под юбку мне не

полезет, — хрипло рассмеялась. — Твоими рекомендациями, так сказать.

— Ой, девка, до сороковника замуж не выйдешь, — цокнула. — Сейчас среди бисера выбираешь, а там и любому сучку обрадуешься. Сходила бы в клуб. Там молодёжь собирается.

— Схожу, — прошипела.

— Алёшеньку с собой возьми.

— С чего бы это?

— Он — мужчина, — посмотрела на меня с укором.

— А я — женщина свободная, и мне не нужен... — не договорила.

Внизу раздался такой грохот, будто бы кто-то не сам покатился с лестницы, а ему... «помогли» спуститься.

Глава 5

«Любаша»

— Батюшка, там же наш Алёшенька убился! Я же говорила, что лестница слишком крутая. Председатель нас по головке за это не погладит. Сдаст под суд!

— Может быть, упало что-то?

Предположила самое безобидное из всех зол.

Возможно, это был злой призрак, который решил у нас поселиться, — пусть это будет именно он, чем распластанное на первом этаже бездыханное тело городского.

— Любонька, посмотреть всё-таки придётся, — нашёптывала мне бабушка, прижимая ладонь к груди.

— Хорошо, — нервно облизала губы и потянула её за руку за собой.

Мы прошли по узкому коридору всего пару шагов, как вдруг я остановилась — должна предупредить о том, что усвоила из сериалов с криминалистическими замашками на сюжетную линию.

— Слушай меня внимательно, бабушка, — заговорила предупреждающим тоном, когда ребёнка просят о том, чтобы он чего-то не делал. Но мы все знаем обратную картину этих просьб — ребёнок всё равно это сделает. Попробовать стоит: — Ничего не трогай!

Медленно, медленно... очень медленно мы приближались

к лестнице (буквально по сантиметру), — посмотрела вниз и облегчённо выдохнула.

Городской цел и неведим, чего не скажешь о человеке-пауке, над которым он угрожающе склонился и что-то толковывал шипяще-угрожающим тоном.

Не поняла! Какой ещё такой человек-паук в нашем доме?!

Убедилась в том, что бабушка крепко держится, — буквально слетела вниз и оторвала шлем-маску от костюма.

— Ой, дурак, — закатила глаза я. — Ой, дура-а-ак!

Алексей распрямился, хрустнул шейными позвонками. Вот ногу со спины Вовки не убрал.

— Я вернулся, вижу этот... поднимается по лестнице.

— А вы, Алексей, решили его спустить с неё? — подсказала я.

— Верно, — кивнул.

— Вовка, а ты чего молчишь? Язык что ли проглотил? — строго обратилась к парню.

Он застонал в голос, когда возжелал оторвать задницу от пола.

— Подверну-у-ул!

— Ох, горе, горе, — запричитала бабушка, которая только спустилась. — Сломал что ли?

— Говорит же, что подвернул, — присела на корточки, чтобы обследовать больную конечность супер(х)ероя. — Где твоя паутина, паучок? Ой, бестолочь!..

Алексей протянул руку Вовке, чтобы тот поднялся.

— Сам! — огрызнулся он.

— Сам, сам, — передразнила его. — Какого... Зачем ты припёрся к нам домой в этом костюме?!

— Хотел сделать сюрприз, — буркнул он.

Городской рассмеялся так, что аж стены задрожали (было ему весело, или он хотел его добить на месте — это осталось загадкой).

— Вова, угомонись! От всей души прошу! В этот раз тебе повезло — не покалечился. А что в следующий раз будет? Угровишься без продолжения рода.

— Я же как лучше хотел, — с горькой обидой посмотрел на меня. — Тебя уже ничем не удивить. А раньше... бывало и сеновалу радовалась.

Вот же паразит такой! Обиженный мужик хуже десятка баб! Головой вроде бы не бился, чтобы списывать с его счета такой закидон, равносильный пяти поджопникам с ноги.

— Пошёл! — гаркнула на него. — В следующий раз сама спущу с лестницы, если сунешься в мой дом! Ишь, чего удумал... Сюрпризы мне тут устраивать. Да кто тебя просил о подобных сюрпризах?! Никто!

— Ай, ай, ай, — зашипел, когда получил по спине бабушкиной тростью. — Пожалеешь, Любаша, что так меня опозорила перед городским! Я со всей душой, а ты... Тьфу.

— Только попробуй сплюнуть на мой половик... Языком вылежишь!

— Пожалеешь, Любаша, — наградил меня таким много-

обещающим злым взглядом, что я как-то растерялась.

Недолго длилось моё забвение, — Алексей помог и «вежливо» выпроводил незваного гостя до калитки. Я бы ему пенделя дала (мысленно несколько раз по лицу колючими веточками крыжовника побила).

— Закрывайте дверь, девушки, а то ходят тут всякие... — обратился к бабушке.

А та аж поплыла от «девушки», — пригласила его на чай с угощениями прямо на веранду. Заодно местным лакомую косточку выбросила, а те будут её обсасывать по участкам.

Алексей — оратор от Бога. Так заговорил мою бабушку, что та светилась, как молодая девица: глаза блестят, на губах загадочная улыбка, плечи расправила. Что говорить... Сама его заслушалась. Работа в деревне скоро закипит. Кадры рабочие подтянутся.

Одно настораживает (пока эти мысли при себе оставила), что комплекс будет соседствовать рядом с Жориком. Он — браток из лихих 90-х. Времена, к счастью прошли, а «боевой» опыт остался. Предчувствие нехорошее.

Не дожидаясь, пока в кружке Алексея останется последняя капля чая, я вежливо пожелала им хорошего вечера и пошла на двор, а то работа встала из-за приезда городского.

Работы всегда много в деревне, — разогнулась, а уже спать пора.

Бабушка к себе рано пошла, а Алексей... Его что-то я из вида упустила, пока на грядках «загорала» кверху задницей.

Из комнаты захватила сорочку, нижнее белье и отправилась в ванную комнату. Надеюсь, бабушка бойлер не выключила по своей привычке, и мне удастся...

Вовремя отпрыгнула в сторону от столкновения моего лба с дверью, — оттуда горой из мускулов и воплощения тестостерона вышел... Не сам Бог, конечно, но точно из той компании, которая вселяла ужас в древней Греции.

— В доме, где живут девушки, надо что-то накидывать на это... — обвожу пальцем грудные пластины, кубики пресса и всё остальное.

Алексей только рот раскрыл, а я уже на его тело накинула свою сорочку и завернула его, словно конфетку. Сладкую такую, запретную, чтобы слюнями не истекать, как в период голодовки.

— Тебе страшно? Ты дрожишь, Люба.

Я подняла взгляд и посмотрела в его глаза, — издевается надо мной!

Наступила ему на ногу от души, чтобы так не улыбался.

— Равновесие потеряла, — отошла в сторону. С ним даже дышать сложно. Что за духи такие несмываемые?

К городскому улыбка, словно приклеилась.

— Давай дружить, Люба. Под одной крышей живём. Чего кусаться-то?

Поманила к себе пальчиком. Когда он оказался слишком близко, ухватила за мочку уха и притянула к своим губам так, чтобы уж точно расслышал каждое моё слово:

— Запомни, городской. Моя комната — табу. Моя кровать — табу. Придёшь ко мне ночью — чик-чик секатором. Ещё хочешь со мной дружить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.